



# История идей

Лев Клейн

## ПОБОРНИК ДОХРИСТИАНСКОЙ «СЛАВЯНЩИЗНЫ» ЗОРИАН ХОДАКОВСКИЙ

*Аннотация.* В статье дан биографический анализ деятельности одного из основоположников исследования дохристианской славянской культуры – Зориана Ходаковского. Биографическое описание проводится в контексте исторической эпохи. Представлен вклад З. Ходаковского в развитие истории, археологии, славяноведения.

*Ключевые слова:* славянофильство, история, археология, З. Ходаковский, Н. М. Карамзин, историческая система.

*Abstract.* This article provides biographical analysis of activity of one of the founders in the research of pre-Christian Slavic culture – Zorian Hodakovskiy. Biographical description is conducted in the context of historical era. There is presented the Hodakovskiy's contribution in the development of history, archeology, and Slavonic studies.

*Keywords:* Slavophilism, history, archeology, Z. Hodakovskiy, M. Karamzin, historical system.

Юродивый поляк

В 1819 г. в Петербурге появился странный человек, выходец из польских губерний России, называющий себя Зорианом Ходаковским. Рябой от оспин на широком лице, он был помешан на славянских языческих древностях, на «дохристианской славянщизне», как он это называл (*польск. slowiańszczyzna* – славянская культура, славянство), и всех расспрашивал о следах этого времени в родной местности. Сочетание этой страсти с бедностью, неотесанностью и польским акцентом вызывало в светском обществе недоумение, смех и обеспечивало пришельцу репутацию полусумасшедшего маньяка. Вот как описывает его Ксенофонт Полевой, брат известного историка, в своих мемуарах: «Всегдашний костюм его составляли серая куртка и серые шаровары, а на голове что-то вроде суконного колпака. В таком костюме являлся всюду и обращал на себя внимание солдатской откровенностью, близкою к грубости. Всех дам без различия с

*простолюдниками называл он “матушка”, всех мужчин – “батюшко” ... Он обращался с расспросами ко всякому, нарочно ходил на Болотный рынок... и умел выпрашивать у русских мужичков о городках». Часто «принимали его то за вора, то за шпиона и таскали на съезжую» [1].*

Такие же расспросы он вел и в доме у Полевых, приставая с ними к гостям, даже к барышням. *«Происходили в глазах наших истинно комические сцены... Входит в комнату человек, вовсе ему незнакомый, и еще не успел этот человек сказать, зачем пришел, как Зориан начинает допрашивать его. Кое-как отделавшись от допросчика, тот спрашивает – что это, помешанный, что ли? Другие принимали его за пьяного».*

Биография полна  
умолчаний

З. Ходаковскому было тогда 33 года, и оставалось ему жить всего шесть лет. За эти шесть лет он успел вписать себя навечно в историю русской археологии – без его упоминания не обходится ни одно изложение этой истории, ни один учебник. Биография его полна умолчаний, у А. А. Формозова (в истории археологии) та часть, что была до появления в России, не фигурирует вообще, у Г. С. Лебедева (в более современной истории дисциплины) кратко пересказана та биография, которая была опубликована Н. А. Полевым в 1839 г. (через 15 лет после смерти З. Ходаковского), а она основана на автобиографии самого З. Ходаковского, сознательно фальсифицированной: неправильно указано место рождения, подданство (якобы австрийское), имя и фамилия. На деле не было ни похода с Наполеоном до Москвы, ни ранних приключений в Галиции. Зато были другие события, гораздо более одиозные в России, которые нужно было скрывать. Оба историографа упустили польские источники, проливающие свет на эту часть биографии. Сама подлинная фамилия З. Ходаковского была открыта в России только в 1838 г., а в Польше только в 1840 г.

Скрываемое  
прошлое

Настоящим его именем было Адам Чарноцкий, а Зориан Доленга Ходаковский – это был не литературный псевдоним, а придуманная взамен настоящей фамилия-укрытие. Дело в том, что первое время его легальное пребывание в России было в большой опасности, да и впоследствии он был близок к тайным обществам. Происходил он из польско-белорусской мелкой шляхты, мать была из обедневшего рода князей Бородичей, отец, однако, служил у других помещиков управляющим именьями. Сын родился в 1784 г. в деревне Подгайной близ Несвижа в районе Новогруд-

ка. Это Гродненская губерния. Значит, был российским подданным. Когда Адаму было восемь лет, умерла мать, и он был отдан на воспитание князьям Бородинчам в Минск, потом снова мыкался с отцом по чужим имениям Белоруссии и Мазовии. Эти странствия привели к хорошему знанию простонародья, с которым он потом всегда умел общаться. Затем был отдан в Слуцкую трехлетнюю школу (там учились по два года в каждом классе), сразу в высший класс, а отец вторично женился. В это время 15-летний Адам записывает в дневник: *«Земля – пустыня, люди жаждут только золота, учиться не хотят и сами науки не дадут. О, если бы я хоть от одного человека получил поощрение! Чтобы меня хоть один захотел обучить, чему он мыслит, чтобы хоть один захотел исследовать, что мыслю я. Я бы ничего более не жаждал и был бы счастлив. Беда моя, что им бы только высмеивание и отхочивание от моей профессии...»* [2]. Уже тогда его высмеивали. В 1800 г., за год до окончания школы, 16-летний Адам остался круглым сиротой. Приютили его родичи Чарноцкие из милости. Около 1803 г. пристроился обучаться адвокатскому ремеслу на практике в Новогрудке, с 1807 г. – в Минске. Пристрастился работать в архивах, с упоением читал польские хроники и русские летописи. В 1807 г., когда он работал помощником у новогрудского воеводы графа Несёловского, по соседству с российской Белоруссией, отхваченной у Польши, Наполеон создал Варшавское княжество. Туда, под знамена Наполеона, стремились тысячи польских волонтеров, мечтавших о восстановлении Речи Посполитой. За полвека до того Пруссия, Австрия и Россия окончательно разделили между собой польское государство, и вся надежда была на победы наполеоновской Франции. В 1808 г. Адам тоже решил бежать в Варшаву. Но его письмо другу об этом намерении попало в руки российских чиновников. Адам был схвачен, увезен сначала в Гродно, потом в Петербург. Оттуда возвращен в Новогрудок, где лишен дворянства и отдан в солдаты. Вот тут и начинается та часть биографии, которую он тщательно скрывал всю жизнь. О ней рассказывает его дневник *«Мое путешествие без охоты»*, начатый тогда и ведшийся всю жизнь.

Тайны о тайной работе

Солдата направили в дивизию генерала Глазенапа, расположенную в Омске (З. Ходаковский никогда не упоминал, что познал Сибирь). Марш из западного пограничья России в Сибирь его отряд проделал пешим ходом, проходя по 30–35 верст в день. Солдатская служ-

ба в Сибири продолжалась два года. В 1810 г. война с Наполеоном назревала, и дивизию Глазенапа направили из Сибири в Польшу. Адам прошел тот же путь обратным ходом. Дивизия расположилась в Бобруйске. В 1811 г. российский солдат Адам Чарноцкий исчез. Доложили начальству, что Адам умер.

На деле он дезертировал. Он прибыл в наполеоновскую Варшаву с планом Бобруйска, составленным собственноручно. Французы охотно использовали смелого агента, знающего славянские языки. Под именем Зориана Любраньского его направляли с ответственными поручениями на российскую территорию вести переговоры с польской знатью (в частности, с князем Юзефом Понятовским, а также с каким-то князем Ипполитом N) и с православными священниками. После того, как он вступил в 5-й полк пехоты адъютантом-«подофицером», маршал Даву стал посылать его за Неман с тайными миссиями (4 и 12 мая 1812 г.). 30 мая он получил бессрочный отпуск, но был оставлен при главной квартире для ответственной тайной работы. Ему предложили офицерское звание, но он вежливо отказался, сославшись на то, что в офицерском качестве ему будет труднее работать тайно.

В автобиографии З. Ходаковский утверждал, что проделал с наполеоновской армией всю трудную российскую кампанию – до Москвы и с разгромленной, замерзающей и гибнущей армией назад – и был взят в плен казаками. На деле он пережил кампанию в Смоленске, возможно, был при переправе через Березину. Затем исчез снова и всплыл под фамилией Хшановского (Chrzanowski) в Польше. Еще раз сменил фамилию и на сей раз объявился как Зориан Доленга Ходаковский. Несмотря на амнистию, объявленную Александром I, все эти меры были необходимы: вина дезертира и наполеоновского шпиона вряд ли была бы прощена.

Он бежал на Западную Украину – на Волынь. В эти тяжелые для него времена он сблизился с другими польскими осколками разбитого войска – генералом Л. Кропиньским, который стал поэтом, Каролем Сенкевичем, который стал историком, и др. В этой среде Ходаковский загорелся планами изучения народного быта, народной поэзии. Он увидел новый смысл в жизни. В дневнике появилась запись: *«Есть счастье на земле! Шататься среди народа, жить всей силой поэтической жизни крестьян! Как я счастлив в моей сермяге, с моей скудной пищей, когда мне отвечают своим воспоминанием, своими чаяниями! ... Злое сердце у того, кто не*

От борьбы за  
независимость  
к общеславянской  
романтике

*любит народ всей братской любовью!»* [3]. На русско-польском пространстве это были первые планы «хождения в народ».

Тяга к великому  
прошлому

Но мечты о свободе и национальной независимости надолго оказались под спудом. Романтические чувства, навеянные духом времени, устремились в далекое прошлое, подальше от печальной действительности – в Польшу более, чем где бы то ни было. В этом прошлом Польша простиралась от моря до моря, а еще существовало древнее праславянское прошлое, в котором не было верховенства России, и все славянские народы были равны, а центр был, возможно, на территории Польши... Польских интеллектуалов тянуло к этому великому прошлому, начиная с Яна Потоцкого. Этот польский аристократ времен Екатерины II, Павла I и Александра изучал античных и византийских авторов, увлекаясь проблемой происхождения славян, и русское государство относилось к этому благосклонно. Он проделал путешествия по Европе, Азии и Африке, ездил в составе русского посольства в Китай, стал автором известного романа «Рукопись, найденная в Сарагосе». Он был избран членом русской Академии наук, и произведения его тотчас по выходе переводились в России. Я. Потоцкий больше уповал на данные языка, но и материальные древности не забывал. Именно у него П. Дюбрюкс и А. Ашик заимствовали идею сноса кургана до материка [4].

Увлечение  
национальным  
польским прошлым

Не с 1810 г. (как он писал в своей автобиографии), а позже, после 1813 г., З. Ходаковский, с юности любивший архивы и хроники, увлекся национальным польским прошлым и стал собирать народные песни и предания, изучать топонимику на польских землях. В его любви к народному творчеству далекого прошлого был еще один аспект: он считал, что это песни и предания времени народной вольности, когда еще не было ни царской власти, ни церковной. Это импонировало борцу за свободу и независимость. Он считал, что в хрониках христианского времени языческое прошлое изображается искаженно, более грубым и примитивным, чем оно было на самом деле. Чтобы узнать реальное прошлое, надо обратиться к народным преданиям и обрядам, восходящим к дописьменному времени, к язычеству. Его интерес скоро распространился и на археологические памятники. Это произошло около 1816 г., возможно, в самом начале 1817 г. [5].

Через посредство друзей он познакомился и сблизился с куратором округа князем Адамом Чарторыйским. Тот оценил его идеи и пригласил его в свое имение Пулавы.

Обследование  
древностей  
по бывшим  
польским землям

Этот польский аристократ не только заинтересовался идеями З. Ходаковского, но и оказал ему финансовую поддержку, и даже подстегивал его энтузиазм. С осени 1817 г. до весны 1818 г. З. Ходаковский на средства князя путешествовал по Малой Польше (Сандомир – Ченстохово – Краков), собирая фольклор и топонимику, обследуя древние замки и их руины, курганы и городища. Потом он распространил свою деятельность на Западную Украину, долго бывшую в орбите польского государства. Много археологических памятников обследовал в имении генерала Людвиг Крופиньского, где подружился с хозяином. Обращался в город Кременец, лицей которого в это время был научным центром Западной Украины, просил инженера, преподававшего в лицее топографию, помочь в обмерах городищ в окрестностях города. В Перемышле (Пшеммысле) тоже побудил местного геодезиста помогать в обмерах огромного кургана. В ходе следующего путешествия, весной 1818 г., обнаружил и правильно локализовал древние города Волянь и Червень (центр Червоной Руси). Путешествовал по всей Украине (Львов – Киев – Чернигов) и охватил также Белоруссию (Гомель).

О дохристианской  
культуре славян

По настоянию князя А. Чарторыйского в 1818 г. написал статью “O Słowiańszczyźnie przed Chrześcijaństwem”. Название можно перевести как «О дохристианской культуре славян» или «О славянских языке, культуре и обо всем славянском до принятия христианства» («славянщизна» – по-польски нечто вроде «славянство», «все славянское»). З. Ходаковский писал Л. Крופиньскому, что «взялся за эту преждевременную и неточную статью неохотно, ибо это против моей установки» [6]. Князю статья тоже не очень понравилась, но он позаботился о ее публикации – она была напечатана Кременецким Лицеом в Варшаве на польском языке [7]. В этой статье З. Ходаковский ставил следы славянских предков в земле и в народной культуре выше письменных сообщений иностранных миссионеров. Он отвергал описания древних славян как грубых варваров без собственной культуры. Она просто утрачена в результате принятия христианства. З. Ходаковский призывал записывать все местные имена урочищ, выявить древние имена богов, названия растений и животных, учесть все городища: *«Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, которые делаются в земле, – те разные небольшие изваяния, изображения, металлические орудия, посуду, горшки с пеплом. Сосчитаем и точно измерим все большие могилы, насыпанные в честь некой*

*личности и одиноко пережившие века. Охраним от уничтожения надписи, высеченные на скале в подземных пещерах. Снимем планы с положения местностей, пользующихся давней известностью.... Узнаем все названия, какие деревенский люд или его лекарки в разных странах дают растениям, соберем, сколько возможно, песни и старые гербы. Опишем главнейшие обряды. Внесем всё это в единую книгу...» [8].*

По справедливой характеристике Г. С. Лебедева, «это – комплексная программа исследований, объединяющая цели и методы археологии и этнографии, исторической географии и лингвистики, фольклористики и геральдики, – первая в отечественном славяноведении» [9].

Поиск поддержки  
своих исследований

А. Чарторыйский надеялся, что публикация этой статьи побудит руководство Кременецкого лицея или Виленского университета дать З. Ходаковскому постоянное место работы и финансовую поддержку. «Глядя на его труд, пыл и способности, жаль было бы оторвать его от его предмета. – писал он ректору Виленского университета. – Использованный иначе, он был бы утрачен» [10]. В письмах З. Ходаковский писал, что хотел бы распространить свои обследования на славянские земли не только в российской, но и в австрийской и прусской монархиях, и что 1000 рублей в год были бы достаточны.

Ректор не хотел ссориться с влиятельным магнатом, но внутри университета встретил противодействие. Влиятельные профессора (братья Снядецкие) обращали внимание на дилетантизм З. Ходаковского и отсутствие критического анализа, незнание элементарных правил логики. Они ставили под сомнение возможность осуществить такое обширное предприятие силами одного плохо подготовленного человека. Ксёндз Станислав Юндзилло указывал на недопустимое шельмование христианства. В итоге Университет ограничил свою помощь пожалованием роскошной грамоты на пергаменте, торжественно разрешающей З. Ходаковскому раскопки и изыскания в архивах и библиотеках. Но ни единого рубля в поддержку. З. Ходаковский зло пронизировал, что из столь большой грамоты в крайнем случае можно будет выкроить пару сапог для путешествия [11].

Он обратился в Варшавское Общество друзей наук, жаловался на некомпетентность судей (по профессии Снядецкие – астроном и химик), попросил создать проверочную комиссию, куда бы вошли известные ученые-

гуманисты Вавжинец Суroveцкий, Юзеф Сераковский, Иоахим Лелевель и другие. Комиссия высказала благо-склонное мнение, но не дала ни гроша.

Итак, З. Ходаковский публиковал по итогам своих походов статьи в польской печати, но скоро натолкнулся на сопротивление польской среды, в которой позиции католической религии были очень сильны. Польские научные институты отказывались поддержать его исследования, рассматривая их как еретическое прославление язычества и нападки на христианство.

В Россию  
с надеждой

Еще в 1817 г. в письме Л. Кропиньскому З. Ходаковский просил его повлиять на А. Чарторыйского, чтобы тот принял тягу З. Ходаковского к изучению других славянских земель, не только польских. «Пусть его патриотическая мысль не отделяет мне других славянских стран. Если я перестану быть братом для русских, чехов, венгров и прочих, мне придется остановиться со всем намерением, и польская древность исчезнет» [12]. Так этот недавний мятежник и изменник сменил политическую ориентацию на российскую. Весной 1818 г., когда его покровитель Чарторыйский высказывал надежды, что Вильно или Кременец смогут выдавать рублей 600 в год на исследования, а З. Ходаковский полагал, что потребуется минимум 1000, он стал подумывать о поисках более могущественного покровителя. Воспользовавшись визитом царя в Варшаву, он подготовил для него доклад с посвящением:

*Светлейшему государю  
Непобедимому витязю  
Великому Кагану  
Верховному старейшине славян  
Владельцу берегов Дуная  
Милому гостю Варшавского замка  
Щедрому распорядителю  
Светлому и молодому месяцу  
Наследнику Великого Владимира  
Наисильнейшему русскому царю  
Ляшскому королю  
Счастливой и светлой заре славянской  
Александру Павловичу  
Бья челом на мосту через трясины устланном  
Зориан Доленга Ходаковский  
Четырехлетнее путешествие и труд в их  
нынешнем изложении  
С постоянной жаждой их окончания  
И верные свои службы  
Посвящает [13].*

Поиск поддержки  
у русских господ

Но вручить это послание не решился. Он вдруг получил лестное письмо от другого русского потенциального покровителя – графа Николая Петровича Румянцева, канцлера в отставке и известного коллекционера-мecenата (Румянцевский музей в Москве ныне называется Пушкинским). З. Ходаковский вступил в переписку с канцлером, послал ему свои материалы, копии средневековых грамот. Взамен получил от него вышедший недавно первый том «Истории...» Н. М. Карамзина.

З. Ходаковский сообразил, что в огромной России польская пресса провинциальна, а вот среда русской интеллигенции менее зациклена на религии, русские столичные журналы охотно принимают материалы о славянских древностях, воспринимая это как русский патриотизм. Л. Кропиньскому он писал, что лишаясь польской поддержки, «мог бы ее получить у русских господ. Этим мало будет беспокоить, что я раньше обвинил латинских церковников, они больше будут озабочены славой всего славянства, на которое по политическим причинам имеют право. Северная гарантия для нас всегда в помощь» [14]. «Наши жаждут славы только национальной, собственной, а русские – всего славянства, что отвечает моему предприятию», – писал он в письме другому другу [15]. Более того, он увидел, что колоссальная практически необследованная территория России изобилует материалами, которые он искал, а в образованных кругах русской столицы есть люди и журналы, интересующиеся этой тематикой. З. Ходаковский решил сменить место жительства и в 1819 г. подался в Петербург.

Идейное лидерство  
Н. М. Карамзина  
в патриотическом  
интересе к истории  
в России

В России же к этому времени романтический и патриотический интерес к истории получил иное выражение. Идейным лидером в этой сфере был Н. М. Карамзин с его «Письмами русского путешественника» (1791–1796) и 12-томной «Историей государства Российского» (1816–1829). В «Письмах...» он сформулировал взгляд консервативных кругов России на события в Европе: он принимал некоторые идеи Руссо, но не принимал Французскую буржуазную революцию. В «Письмах...» русское общество призывалось к осмыслению прошлого России, и в «Истории...» эта идея реализовалась. Но для Н. М. Карамзина история России ограничивалась письменными источниками и начиналась с установления монархии Рюриковичей. Становление самодержавия было для него благотворнейшим итогом всего исторического развития России. Эпиграмма, приписываемая А. С. Пушкину, язвительно отмечала это:

В его «Истории» изящность, простота  
Доказывает нам, без всякого пристрастья,  
Необходимость самовластья  
И прелести кнута.

Противовес  
монархической  
концепции истории

Те, кто в России был недоволен этой монархической концепцией отечественной истории (а такие силы в России, как видим, были), восприняли программу З. Ходаковского, как историческую систему, противостоящую системе Н. М. Карамзина: З. Ходаковский исходил из убеждения о том, что письменная история и ее источники фальсифицированы церковью в угоду государственной (княжеской, королевской, царской) власти и не могут дать истинное знание о народном прошлом. Он призывал обратить внимание на то, что значительная часть развития славянства и России проходила в дописьменный период, период домонархический и дохристианский. Это импонировало зреющим в России силам либерально-аристократического бунтарства, вскоре оформившимся в декабристские тайные общества. Эти общества не были изолированы – родством и дружбой с ними были связаны симпатизировавшие либеральным идеям круги интеллектуалов – литераторов, ученых, экономистов.

Сложности «второго  
вторжения»  
в Россию

Так получилось, что пионером славистической этнографии и фольклористики в России оказался поляк, только недавно побывавший в Сибири и помогавший Наполеону вторгнуться в Россию. Но и новое вторжение З. Ходаковского в Россию проходило нелегко.

Прибыв в Гомель, где тогда была ставка Н. П. Румянцева, З. Ходаковский был разочарован. На Н. П. Румянцева не произвели впечатления планы польского гостя по обследованию городищ, он был глух к этим идеям. З. Ходаковский шутил, что тут ему Наполеон повредил (Н. П. Румянцев действительно оглох от потрясения, когда Наполеон вторгся в Россию). Граф даже городищ в собственном имении не знал. В Гомеле З. Ходаковский застрял: не было денег на дальнейшую поездку. Пришлось опять сменить ориентиры – на сей раз возложить надежды на князя А. Н. Голицына, министра народного просвещения, которому уже писал князь А. Чарторыйский. Написал ему из Гомеля и сам З. Ходаковский. К письму приложил доклад «Рассуждения касательно русской истории».

В докладе этом повторял уже на русском основные положения «Славянщины». З. Ходаковский отказывался доверять историкам, которые основываются только на летописях христианского времени, заведомо иска-

женно изображающих языческое прошлое. Он обращался к историкам с призывом покинуть свои кабинеты, выйти в поле и прислушаться к песням селянина, узнать его поверья и обычаи, обследовать городища и курганы, где таятся следы древней славянской жизни. Он подробнее развивал тему городищ: *«Писал ли кто-либо о том, что так наз. городища распространены от реки Камы на запад до самой Лабы (Эльбы), от Двины до Балканских Гор и Адриатического моря, и что их столько, сколько было квадратных миль, населенных славянами? Мне это удалось заметить, равно как и то, что, где бы они ни уцелели, везде они в основных чертах схожи: имеют небольшие округлые валы, насыпанные исключительно из черной земли, имеют вход с востока, всегда находятся при реках или источниках, в наикрасивейших местах...»* [16].

Критика  
«Истории...»  
Н. М. Карамзина

Поместил там и довольно резкие критические замечания об «Истории...» Н. М. Карамзина. По З. Ходаковскому, Н. М. Карамзин пол-России отдал финнам и Биармии, юг – хазарам, а Литве отвел исконно русские земли между Вильно и Гродно, где издревле звучала русская речь. Н. М. Карамзин считал, что самоназвание русских происходит от варягов-норманов, прибывших из местности Рослаген, а З. Ходаковский, в духе славянофильских своих убеждений, отзывался об этом так: *«Мы же, воспевая в древнейших песнях русоколых дев и имея везде русалок, называясь испокон веков Святой Русью, будем ли стыдиться имен наших праотцов? “Рослаген” пусть остается за Соленым Морем и в чуждом нам мудрствовании»*. Итак, уже «мы» называемся «Святой Русью», да еще «испокон веков»...

Поиск поддержки  
в Петербурге

На деньги, присланные А. Чарторыйским, З. Ходаковский отправился в Петербург. По дороге заехал в Псков к митрополиту Евгению – известному историку Е. А. Болховитинову. Тот написал коллеге в Петербург: *«Третьего дня... в 12 часу нечаянно явился ко мне Ходаковский и до 7 вечера занимал меня чтением своих теорий, на другой день тоже заканчивал и едет к вам тем же занять вас: приготовьтесь к терпению»* [17]. Во Пскове в католической церкви сыграли свадьбу: З. Ходаковский скоропалительно женился на попутчице, с которой познакомился по дороге из Витебска в Псков, – на девице немецкого происхождения, отлично владеющей русским языком, Констанции Флеминг. Венчались в католической церкви.

Прибыв в Петербург осенью 1819 г., З. Ходаковский был очень хорошо принят президентом Русской акаде-

мии (не академии наук) А. С. Шишковым. Ведший кампанию за очищение русского языка от иностранных слов, А. С. Шишков охотно слушал З. Ходаковского весь день – с 10 утра до часу ночи. Гораздо более холодно принял его Н. М. Карамзин. Дальнейшие события предсказывал митрополит Евгений, хорошо информированный: *«Ходаковский, дерзнувший и к министру адресоваться со своими гипотезами противу Карамзина, мне кажется une tête exaltée, entêtée et infatuée (малый экзальтированный, упрямый и самонадеянный). Канцлер, видно, хорошо рассмотрел его, когда отказал ему в ресурсе... Не знаю, чего он может просить и ожидать от президента Российской академии, занимающегося только этимологией... А министр верно покажет его мечты прежде всего Карамзину, и тогда мечтатель убит будет в кредите»* [18].

Рассмотрение  
проекта по России

З. Ходаковский не ожидал, что еще до его прибытия в Петербург его доклад А. Н. Голицыну будет опубликован как статья в «Вестнике Европы» [19], и уж вовсе он не хотел публиковать свою критику Н. М. Карамзина, поскольку рассчитывал на его поддержку. Потом в письмах долго извинялся перед Н. М. Карамзиным, уверяя, что не имел в виду хулить его книгу. Н. М. Карамзин смягчился, даже пожертвовал лично З. Ходаковскому 50 рублей («более не имею»). Это было важно, потому что А. Н. Голицын обратился именно к нему за суждением о предложении З. Ходаковского. Н. М. Карамзин, вопреки предсказаниям митрополита, отозвался благосклонно: *«Имею честь повторить то, что сказал Вам устно о пользе, которую может принести использование г. Ходаковского. Не буду говорить о его домыслах и заключениях, поправляющих Нестора и меня скромного, я полагаю, что он принесет немало пользы любителям нашей истории, если обзрит на месте памятники, особенно городища, даст их верное описание...»* [20].

А. Н. Голицын предложил З. Ходаковскому подробно изложить свой план. З. Ходаковский подал пространную рукопись под названием «Проект ученого путешествия по России», и А. Н. Голицын передал его на рассмотрение научному комитету для оценки, а рукопись направил в журнал «Сын отечества», где она вскоре и появилась [21]. Весной 1820 г. в комитете подробное рассмотрение выполнил математик акад. Н. И. Фусс. Он отметил недостатки проекта и личности просителя: «План этот не является образцом порядка, точности мысли и систематичности в логике представления. Также правила правописания и чистоты слова в нем не

соблюдаются». Затем отмечено, что теории автора не одобряются известными русскими учеными. «Не смотря на это, сей план указывает в его создателе ученого, соединяющего знание русских и польских историков с широкими знаниями географии славянских земель, славянских обычаев и обрядов». Н. И. Фусс признал предложенное путешествие полезным для России и счел рациональным выдавать просителю по 2000 рублей серебром в течение 4 лет [22]. Это превосходило все ожидания З. Ходаковского.

Поддержка проекта

Но его ждало еще большее потрясение: рассмотрев отзывы, министерство ассигновало на путешествие по 3000 рублей серебром в год и одноразовую сумму в 1000 рублей на закупку оборудования и материалов. З. Ходаковский был на седьмом небе: «...настал в моей жизни праздничный год (Jubileus annus), и я, снабженный открытыми листами ... отправился из С.-Петербурга в мое путешествие, 17 августа 1820 г.» [23]. Предлагали ему в помощники некоего Фишера, но З. Ходаковский отказался, «чтобы, – объяснил он, – как можно меньше похвалы досталось немцам» [24].

Первый, кто отправился в народ

Быстро ширилась и его известность. «Вестник Европы» и «Сын отечества» – это были едва ли не самые популярные журналы России. В кругах русской интеллигенции З. Ходаковский нашел благодарную аудиторию. Пусть многие, особенно в светском обществе, видели в нем свихнувшегося чудака, наиболее образованные и просвещенные воспринимали его всерьез. В России он был первым, кто отправился «в народ». Что касается его чудаковатых манер и облика, то, видимо, чувствуя нехватку средств на должную экипировку и недостатки своего воспитания, а также сознавая корявость своей русской речи, он решил еще усилить их и играть простака из народа. Его письма выдают более умного и образованного человека, чем тот полудурок, которого описывал Н. Полевой.

Потеря родных

Путешествие по России он начал с берегов Невы, обследовал и раскапывал сопки, жальники, заносил на карту городища. Родившийся ребенок заболел и умер в Старой Ладогге. Там же заболела жена Констанция. Вместе с больной супругой З. Ходаковский, продолжая свои исследования, добрался через Псков и Новгород до Твери, где его недолгое семейное счастье окончилось: больная жена, не вынеся тягот странствий, умерла. Оттуда проследовал в Москву, а из нее еще выезжал в сторону Можайска.

Тяготы полевых условий

Требовавшиеся от него ежемесячные отчеты он отказался посылать: в полевых условиях писать их было

для него невыполнимо. Из его отчетов видно, в каких условиях проходили его изыскания. Так, на одно место с интересным названием Чернобожье насупротив Белых богов не было провоза. *«Во второеж место прибыл я в навозном ящике на двух колесах, которой привели из скотного двора, и по уверению помещика, довольно крепким для тряской дороги, ибо весь тот день возили в нем навоз на его пашню. Не было в том селе ни одной телеги на 4х колесах даже и за вольную цену. Нечего было делать: обложивши соломою тот ящик, и насилу поместившись в оном с ногами, я потащился к Черному божеству»* [25].

Весной 1821 г. он отправил из Москвы отчет, в котором писал: *«Мои достижения не являются для начала слишком обольстительными. Заключаются они в маленькой посылке, которую тут и прилагаю, это стрелка из ладожской сопки, ножик из жальника на Володове, печатка, вырезанная из сердолика – она находилась на новгородском городище и принадлежала какому-то из князей, а также несколько монет. Остальные находки, глиняные черепки и кости из могил хранятся в ящиках. Не будучи уверен, что памятники этого рода будут приняты благосклонно, не осмеливаюсь их представить и готов оставить их для интересующихся в здешней управе»* [26].

Разочарование  
в находках  
З. Ходаковского

Предчувствия его не обманули. В Министерстве надеялись, что результатом затрат явятся обширные карты, планы и грамотные списки памятников, тома их описаний, а среди находок появятся какие-нибудь эффектные вещи княжеского обихода – оружие, драгоценности, изваяния с надписями. Черепки и кости, стрелки и ножички ценятся как массовый археологический материал сейчас, но их значение было совершенно непонятно тогдашним руководителям науки и образования. В этом смысле З. Ходаковский намного опередил свое время. Тем, кто так опережает, всегда приходится туго. Академик Н. И. Фусс в новом отзыве от июля 1822 г. писал министру А. Н. Голицыну: *«...Если Вы спросите, какую выгоду получила отечественная история от проведенного пока путешествия Ходаковского, то я, к сожалению, должен сказать, что в его отчете я не нашел выяснения ни одного важного исторического пункта и что исследования и утверждения разных мало-важных пунктов опираются на этимологии и ничем не подтвержденные сведения и согласно правил исторической критики не заслуживают веры»*. И дальше в том же духе. *«Из того, что я представил, становится ясно,*

что (и почему) от продолжения этих путешествий я не ожидаю позитивных результатов, оправдывающих нужные на это затраты. И поэтому я бы посоветовал воздержаться от них» [27].

Прекращение  
поддержки

Н. М. Карамзин с ним согласился. В 1823 г. министерство решило прервать дотацию и обратилось к царю за утверждением этого решения. Высочайшее изволение было дано. З. Ходаковский долго не знал о нем и продолжал собирать материалы, ведя распросы и влезая в долги. Когда узнал, обозвал министерство просвещения «министерством затемнения» и обвинил во всем Карамзина. Министру А. Н. Голицыну написал: «Я хотел одного иметь отца в особе Вашего Сиятельства и каковым-то роком подвергнулся отчиму Н. М. Карамзину, который ради своей Истории не желает моих успехов». А другу написал: «Шлёцеру мешал Ломоносов, а мне Карамзин» [28].

Угасание жизни

Между тем, нужны были средства на проживание: он был опять женат. Вторично женился, кажется, на русской – на служанке историка Н. Полевого. Из нужды З. Ходаковский отправился на заработки в Тверскую губернию, где нанялся к одному помещику управителем имения, как когда-то отец. Все эти годы он выносил огромные физические напряжения от постоянных скитаний, разъездов и непрерывного подвижнического труда, но держался, видимо, на энтузиазме. От расстройства пришел в упадок духа, заболел и в с. Петровском умер, не дожив до сорока лет. Умер 17 ноября 1825 г. за несколько недель до восстания декабристов.

Противопоставление  
взглядов  
З. Ходаковского  
и декабристов  
«Истории...»  
Н. М. Карамзина

В книгах А. А. Формозова и Г. С. Лебедева биография З. Ходаковского несколько «выпрямлена» – его жизнь лишена в них зависимости от польских меценатов и избавлена от искательного подлаживания к русским властям. Кроме того, заметно преувеличена его связь с декабристами и А. С. Пушкиным. Некоторая параллель тут действительно есть. Увязка эта строится на противопоставлении взглядов З. Ходаковского и декабристов «Истории...» Н. М. Карамзина. Декабристы Н. М. Муравьев и М. Ф. Орлов критиковали Н. М. Карамзина за его невнимание к дорюриковому «республиканскому» периоду истории Руси, и вроде бы за то же его критиковал З. Ходаковский. М. Ф. Орлов, кроме того, возмущался тем, что Н. М. Карамзин не занялся происхождением славян, а З. Ходаковский тут «поправил» Н. М. Карамзина. Вот как это излагает А. А. Формозов: «...Ходаковский как ученый пошел дальше декабристов. Пушкин, знакомый с их крити-

кой Карамзина, писал, что Орлов “пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого” (следует ссылка на Пушкина. Полн. собр. – Т. 11. – изд. 1949. – С. 57. – Л. К.). Тем самым Пушкин указывал на то, что критики Карамзина не объясняли, на каких источниках должно основываться исследование древнейшего славянства. Ходаковский же именно показал, где следует искать источники по древнейшей истории славян» [29].

Ироническое отношение А. С. Пушкина к З. Ходаковскому

Странно. В ироническом отношении А. С. Пушкина к критике Н. М. Карамзина декабристом М. Ф. Орловым я не смог уловить ни малейшего оттенка тоски по источникам, я увидел лишь то, что, по мнению А. С. Пушкина, Н. М. Карамзин – историк, а М. Ф. Орлов это игнорировал и требовал от Н. М. Карамзина, чтобы тот перестал быть историком. Что, следовательно, в представлении А. С. Пушкина этногенез славян – не дело историка, а «что-то другое». А. С. Пушкин здесь на стороне Н. М. Карамзина. Как он относился к З. Ходаковскому? Вероятно, знал и ценил его работу по изысканию древностей и особенно народных сказаний и поверий (есть сведения, что после его смерти хлопотал о сохранности его архива), но вряд ли брал его сторону в споре с Н. М. Карамзиным. Стихи его с упоминанием З. Ходаковского носят скорее юмористический характер:

Новый Ходаковский  
Люблю от бабушки московской  
Я толки слушать о родне,  
О толстобрюхой старине.

Признание ценности архива З. Ходаковского

Параллель взглядов З. Ходаковского с декабристскими очень нечеткая. Декабристов интересовали республиканские аспекты дорюрикова периода, З. Ходаковского же больше привлекали древнеславянское единство и равенство. Они критиковали Н. М. Карамзина за игнорирование происхождения славян, З. Ходаковский – за ограничение письменными источниками. Из декабристов З. Ходаковский общался только с Ф. Н. Глинкой, с которым А. С. Пушкин тогда же, в начале 1820-х гг., советовался, как вести себя на допросе у М. А. Милорадовича, и то вряд ли поводом для общения были вольнолюбивые взгляды Ф. Н. Глинки, скорее его интерес к древностям (впоследствии он даже археологические памятники обследовал). В 1830 г. А. С. Пушкин и П. А. Вяземский, гостя в Твери у Ф. Н. Глинки, умоляли его уговорить вдову З. Ходаковского, жившую

Осознание  
исторической  
системы  
З. Ходаковского

в Тверской губернии, затребовать бумаги ее мужа у Н. Полевого, который задержал рукописи и не печатал. А. С. Шишков писал об этом С. Т. Аксакову, называя архив З. Ходаковского «сокровищем» и «золотым рудником». Литераторы полагали, что Н. Полевой задерживает рукописи умышленно, надеясь воспользоваться ими для своей «Истории русского народа» и присвоить чужие открытия. «Повидайся нарочно с Пушкиным и стороной заговори об этом, и ты увидишь, что он тебе скажет» [30].

З. Ходаковский старался доказать, что все городища были святилищами и ожесточенно спорил с историком К. Ф. Калайдовичем, который считал их всех укрепленными поселениями. Полемическую статью З. Ходаковского через 13 лет после его смерти опубликовал историк и издатель профессор М. П. Погодин, «исключив все временное и бранное» и дав ей название «Историческая система Ходаковского» [31]. Ныне ясно, что основная часть городищ – это укрепления и укрепленные поселения, так что правда за К. Ф. Калайдовичем, но часть городищ, например, небольшие и круглые, в результате проверки раскопками оказалась действительно святилищами.

Седьмой же том «Русского исторического сборника» (1844) был целиком отведен под публикацию «Донесения о первых успехах путешествия по России Зорияна Долуги-Ходаковского», написанного в 1822 г. Жаль только, что первое донесение оказалось и последним, а сам З. Ходаковский его не увидел напечатанным – ему было бы тогда 60 лет. В томе представлена археологическая карта (в основном городищ) обследованной части России и приложенный к ней сравнительный словарь топонимики (наименования урочищ). В отдельных главах описаны сопки и жальники. З. Ходаковский отмечал, что это только шестая часть собранного им словаря. Он был противником чисто кабинетных спекуляций и энтузиастом полевых сборов и изысканий. Том завершается словами: *«Я еще раз скажу, что удобнее всех исследований, можно судить в обителях и комнатах; жаль только, что в пространстве и недрах земли нашей не то открывается»* [32]. Лично исходить земли со славянскими древностями – это было не так уж трудно для человека, сходившего пешком в Сибирь и обратно...

Ценность  
фольклорного  
архива  
З. Ходаковского

В архиве З. Ходаковского осталось свыше тысячи украинских народных песен (они опубликованы посмертно, и их впоследствии использовал Н. В. Гоголь), словарь топонимики в четырех томах, много исторических

заметок. М. П. Погодин в своей «Древней русской истории до монгольского ига» привел две карты городищ по З. Ходаковскому. А. А. Формозов приводит примеры раскопок З. Ходаковского и показывает, что он не только подробно описывал структуру сопок (чернозем в исподе, венец из камней на поверхности, песок и щебень с берега реки в насыпи, покрытие холма толстым дерном, горшочек с севера могилы), учитывал рядовые находки (11 железных ножицков из жальников), бережно сохранял такие находки (даже кости из могил, что было совершенно необычно для того времени) [33]. А. А. Формозов же собрал сведения о современниках и корреспондентах З. Ходаковского, которые также (порою даже до него) интересовались городищами и дополняли его списки (журналист М. Н. Макаров, А. Г. Глаголев, А. Бояркин, В. Н. Каразин, псковский митрополит Евгений, в миру Болховитинов) [34]. Это показывает общественный резонанс его инициативы.

Дело  
З. Ходаковского  
не угасло

Дело, начатое З. Ходаковским, не угасло. С 1818 г. и по 1830 г. в Москве выходили «Отечественные Записки», и их издатель – коллекционер и любитель отечественных древностей П. П. Свиньин – совершал ежегодно «археологические путешествия по России», объезжая одну губернию за другой и публикуя дневники своих путешествий в своем журнале, а находки помещая в свой личный Русский Музеум [35].

О З. Ходаковском пишут не только как об одном из первых русско-польских этнографов и фольклористов [36], но и как о пионере украинской этнографии [37], основателе белорусской этнографии и археологии [38], одном из видных российско-польских славяноведов [39] и зачинателей дворянского революционного романтизма в Польше [40]. Однако наиболее заметное место он занял в истории российской археологии [41]. По Г. С. Лебедеву, З. Ходаковский завершает период «ученых путешествий» в российской археологии, начавшийся академическими путешествиями в начале XVIII века. По А. А. Формозову, с З. Ходаковского начинается внимание к отечественным, русским древностям. А. А. Формозов и Бломберг [42] считают, что Вадим Пассек, выступивший в 1837 г. с программой раскопок курганов и Алексей Уваров, выполнивший позже эту программу, были продолжателями дела З. Ходаковского. Даже его идея городищ-святилищ, долго казавшаяся сумасбродной и фантастической, нашла своих продолжателей в современной российской археологии, сделавших подтверждение этой гипотезы Ходаковского при-

Эпоха самоучек  
и пионеров прошла

менительно к части городищ делом своей жизни [43]. А. А. Спицын, резко критиковавший даже А. С. Уварова, в самом конце XIX века [44] восклицал о прозрениях З. Ходаковского: «Это попросту гениально».

Ходят ли сейчас гениальные самоучки З. Ходаковские по необъятным просторам России, непризнанные и высмеиваемые высоколобыми учеными? Возможно. Но в отличие от начала XIX века они не могут рассчитывать на признание в будущем. То была эпоха самоучек и пионеров. Она прошла. Ныне дилетанты-любители древностей тоже могут сделать много, но лишь как помощники археологов, под их неусыпным наблюдением. Для нас в фигуре З. Ходаковского ценно не то, что он был самоучкой, а то, что был новатором. Это ценно во все времена, и во все времена отчаянно трудно.

1. *Полевой Н.* Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. – Л., 1934. – С. 138–140.

2. *Rawita-Gawroński F.* Zorian Dolęga Chodakowski, jego życie i praca. – Lwów: nakł. Jakubowskiego i Zadurowicza, 1898. – С. 7.

3. *Там же.* – С. 28.

4. *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002. – С. 55–56.

5. *Blombergowa M. M.* Badania polaków na terytorium Imperium Rosyjskiego w XIX i początku XX wieku // Acta Archaeologica Lodziensia. – Nr. 37. – Łódź, 1993, Łódzkie Towarzystwo Naukowe. I. Podróże badawcze Zoriana Dolęgi Chodakowskiego: 11–38. – С. 14.

6. *Maślanka J.* Zorian Dolęga Chodakowski. Jego wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Polska Akademia nauk, oddział w Krakowie, 1965 // Prace Komisji Historycznoliterackiej. – № 13. – С. 201.

7. *Chodakowski Z. D.* O Słowiańszczyźnie przed Chrześcijaństwem. – Ćwiczenia naukowe (Krzemieniec). – 1818. – 5 (11): 3–7.

8. *Chodakowski Z. D.* O Słowiańszczyźnie przed chrześcijaństwem oraz inne pisma i listy. Oprac. i wstępem opatrzył J. Maślanka. – Warszawa, 1967.

9. *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии 1700 – 1917. – СПб., 1992. – С. 66.

10. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. 335, прим. 4.

11. *Pigoń St.* Dyletant osobliwy przed sądem uczo-nych. – Z dawnego Wilna. Szkice obyczajowe i literackie. Wilno, wyd. Magistratu: 1–16, 1929. – С. 6, 8, 11.
12. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. 334.
13. *Там же.* – С. 336.
14. *Maślanka J.* Zorian Dolęga Chodakowski. Jego wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Polska Akademia nauk, oddział w Krakowie, 1965 // Prace Komisji Historycznoliterackiej. – № 13. – С. 238.
15. *Там же.* – С. 197.
16. *Доленга-Ходаковский З.* Розыскания касатель-но русской истории // Вестник Европы. – 1819. – Ч. CVII, № 20. – С. 277–302.
17. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. 351, прим. 3.
18. *Там же.* – С. 356.
19. *Доленга-Ходаковский З.* Розыскания касатель-но русской истории // Вестник Европы. – 1819. – Ч. CVII, № 20. – С. 277–302.
20. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. CXVIII.
21. *Ходаковский З. Д.* Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын отечества. – 1820. – № XXXIV: 5–6; № XXXVIII: 197, 202.
22. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. CXIX–CXX.
23. Историческая система Ходаковского // Рус-ский исторический сборник. – М., 1838. – Т. I, кн. 3. – С. 3–109, 5.
24. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. 351.
25. Донесение о первых успехах путешествия по России Зорияна Долуго-Ходаковского // Русский исто-рический сборник. – Т. 7. – М., 1844. – С. 8.
26. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. 323.
27. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. CXXXIV–CXXXVII.

28. Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906. – С. 363.

29. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961. – С. 60–61.

30. Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. – М., 1979. – С. 70.

31. Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. – М., 1838. – Т. I, кн. 3. – С. 3–109.

32. Донесение о первых успехах путешествия по России Зорияна Долуго-Ходаковского // Русский исторический сборник. – Т. 7. – М., 1844. – С. 378.

33. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961. – С. 64–66.

34. Там же. – С. 62–63.

35. Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал // Вопросы истории. – 1967. – № 4. – С. 208–212; Формозов А. А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога. – М., 1979. – С. 80–87.

36. Ровнякова Л. И. Русско-польский этнограф и фольклорист Э. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей XIX в. – М.; Л., 1963. – С. 90–94.

37. Доманицький В. Піонер української етнографії // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Львов, 1905. – № 15 (3). – С. 1–43.

38. Каханойски Г. А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI – XIX ст. ст. – Мінск, 1984; Аксамітаў А. С., Малыш Л. А. З душою славяніна. Жыцце і дзейнасць Э. Й. Даленгі Хадакоўскага. – Мінск, 1991.

39. Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII – первой четверти XIX столетия. – Прага, 1906; Ровнякова Л. И. Чарноцкий // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М., 1979. – С. 357–358.

40. Poppe A. U źródeł postępowej historiografii szlacheckiego rewolucjonizmu – Zorian Dolęga Chodakowski. – Kwartalnik Historyczny. – 1955. – № 2. – С. 13–35; Maślanka J. Zorian Dolęga Chodakowski. Jego wpływ na polskie piśmiennictwo romantyczne. – Wrocław; Warszawa; Kraków: Polska Akademia nauk, oddział w Krakowie, 1965 // Prace Komisji Historycznoliterackiej. – № 13.

41. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. – М., 1961; Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал // Вопросы истории. – 1967. – № 4. – С. 208–212; и др.

42. *Blombergowa M. M.* Badania polaków na terytorium Imperium Rosyjskiego w XIX i początku XX wieku // *Acta Archaeologica Lodziensia*. – Nr. 37. – Łódź, 1993, Łódzkie Towarzystwo Naukowe. I. Podróże badawcze Zoriana Dołęgi Chodakowskiego: 11–38. – С. 35–36.

43. *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Языческие святилища древних славян. – М., 1993.

44. *Спицын А. А.* Сопки и жальники // *Записки Русского Археологического Общества*. Нов. сер. – 1899. – № 2 (1–2). – С. 149.

---

